

КУЛЬТ МЕДВЕДЯ У ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Роман Александрович МАРУС, соискатель Центра славяноведения Института истории ДВО РАН. Сфера научных интересов — народные верования восточных славян

Очень интересным в культурном плане представляется вопрос о том, как во всём остальном мире представляют русских? Один из наиболее часто повторяющихся стереотипов — это сравнение русских с медведем. «Русский медведь» очень устойчивое сочетание, по-видимому, имеющее под собой некую основу. Уместно спросить: а не культивирует ли сам русский народ такое отношение? Разумеется, если подобное и происходит, то это явно неосознанно. Но наш народ, вероятно, и сам подспудно чувствует связь между собой и медведем. Это проявляется по-разному: создаются партии с медведем как символом, карикатуры, шутки и т. д.

И здесь возникает вопрос, откуда же идут корни столь живучих, существующих длительное время отождествлений? На наш взгляд, эта проблема является составной частью более широкого культурного явления — сохранившегося до наших дней мощного пласта традиционных верований и представлений.

Несомненно, исторический процесс набирает всё большие и большие обороты, мы почти утратили то, что было доступно для наблюдения ещё в XIX—XX вв. С развалом традиционной крестьянской общины уходят в прошлое и те представления, которые бытовали в ней многие века. Однако так кажется только на первый взгляд. Далеко не все может исчезнуть бесследно. Как писал Ф. Бродель: «...упорно отстаивающее своё присутствие прожорливое прошлое монотонно поглощает хрупкое время людей. И эта поверхность стагнирующей истории огромна»¹. Здесь же уместно вспомнить слова другого великого мыслителя Ф. Ницше: «Прошлое и настоящее — это одно и то же, неизменное нечто, при всём видимом разнообразии типически одинаковое и, как постоянное повторение непреходящих типов, представляющее собой неподвижный образ неизменной ценности и вечно одинакового значения»². Если принять за аксиому эти мысли, то напрашивается вывод: прошлое в техногенный век, теряя свои внешние, видимые проявления (или доживая в формах, называемых реликтами), остаётся в культуре внутренней, сохраняясь неосознанно в психологических архетипах. И здесь назревает насущная необходимость выяснить, что же послужило первоначальным толчком к формированию того психологического пласта, который принято называть «ментальностью». На этот термин принято ссылаться при объяснении процессов, не укладывающихся в традиционные схемы, — экономические, политические и другие теории. Однако само это понятие довольно расплывчато. Для его расшифровки необходимо заглянуть в глубины народных представлений, в частности, обратиться к религиозным воззрениям.

Изучение древней духовной культуры показывает, что религиозные верования и обряды тесно соприкасаются со следующими группами явлений: 1) образы, мотивы и сюжеты сказочного фольклора; 2) элементы народных знаний — приметы погоды, космологические представления, народная медицина и т. п.; 3) бытовые привычки, обычаи, запреты, правила поведения; 4) народные обряды и обычаи,

приуроченные к праздничным дням, особым событиям. Большинство из них пропитано религиозно-магическими идеями.

Итак, попробуем рассмотреть некоторые аспекты дохристианских представлений восточных славян, связанных с медведем. Можно предположить, что почитание медведя славянами является отголоском тотемизма. Под этим термином принято разуметь деление племени на группы, связанные родством по женской или мужской линии, причём каждая их таких групп верит в своё таинственное родство с тем или иным классом материальных предметов — тотемом группы, чаще всего с видом животных или растений; связь с тотемом обычно проявляется в запрете убивать его и употреблять в пищу, в вере в происхождение группы от всего тотема, в магических обрядах воздействия на него и пр.

А.М. Золотарёв считал, что почитание животного целым племенем или даже народом может рассматриваться как конечный продукт развития тотемических верований³. По-видимому, подобный процесс произошел у восточных славян. Но нужно учитывать, что тотемизм теснейшим образом сомкнулся с культом почитания реальных предков. Представления о тотемических предках послужили одним из тех идеологических элементов, из которых в совсем иную историческую эпоху складывались образы почитаемых (настоящих) предков.

В Западной Европе обрывочно сохранились тотемные генеалогические легенды о происхождении некоторых родов от медведя и его сына-героя. Наиболее яркий пример — сообщение Саксона Грамматика, очень популярное в средневековой культуре, о происхождении датских королей от медведя, похитившего женщину. Аналогичные предания имели финские саамы, выведившие весь свой этнос от брака девушки и медведя⁴.

У восточных славян также можно найти подобные представления. Бывало, что медведя соотносили с самим Богом. Это просматривается, в частности, в украинской легенде о происхождении медведей, в которой «старый дед» обогащает человека и делает его сначала богом, а затем медведем: «так выдмеди из людей и пишли плоды от того чоловіка, шо був богом». Таким образом, согласно этой легенде «первый выдмедь... був богом»⁵. В Поволжье известен сюжет о Керемете: Бог является людям в образе медведя⁶.

В приведенной выше украинской версии очень интересен термин «старый дед». В некоторых местах у восточных славян было отмечено представление о деде как верховном небесном божестве. Аналогичное представление отмечает А.Н. Афанасьев у болгар в образе Дядо-господ, который некогда ходил по земле в образе старца и поучал людей пахать и вообще возделывать землю⁷. Зачастую в роли нищего, убогого старика мог выступать и св. Николай Мирликийский, которого русские крестьяне нередко и считали богом⁸. Нужно учесть, каким почётом пользовались старики и нищие; в польском языке значения слов нищий — дед, старик близки и даже совпадают⁹.

Нельзя также не отметить бытовавшее поверье, что медведи-оборотни появляются из-за негостеприимства — целая деревня, не пустившая к себе путника ночевать¹⁰. А в белорусском Полесье зафиксировано пережиточное нахождение в красном углу языческих символов, например, антропоморфное изображение «болвана» с лучиной; связанных попарно початков кукурузы — діди¹¹. Здесь мы видим чёткое взаимоотношение дед—бог, что в общем, можно трактовать как бог-предок. (Например, в той же Белоруссии «дзядами», «дідами» называли всех умерших предков без различия пола и возраста)¹².

Но так же называют и медведя: отец, дед, дедушка, старик, дядя, отчим, мать, бабушка, старуха, лесовой человек, хозяин, владыка, князь зверей¹³. Характерно, что то же самое прослеживается на обширной территории от Скандинавии до Северной Америки; к медведям обращались как к людям пожилого возраста многие народы¹⁴. Объяснить это простым табу на имя трудно.

С культом медведя связано и почитание в древности бога Велеса. Такие сведения находят на севере славянского мира в Ярославском Поволжье, где охота долгое

время сохраняла своё значение. Б.А. Рыбаков считает, что наиболее древней, охотничьей формой Велеса (сохранённой на севере) выступал медведь. В южных районах произошла некая трансформация¹⁵. Кроме того, нужно учитывать и последующую «христианизацию» Велеса, его функции частично были перенесены на святых Власия, Егория, Николая и др.

Другим косвенным свидетельством, указывающим на то, что в далёком прошлом медведь являлся богом, может служить табуирование его имени. Табуирование широко распространено у народов, стоящих на самых разных ступенях развития. Всем известно библейское высказывание: «Не произноси имени Господа, Бога твоего напрасно; ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно» (Исход, гл.20, стих 7). Суть табуирования состоит в том, что слова, мысли считали предметно-материальными. Отголоски этого есть и у русского народа, например поговорки: не поминай беду, а то накличешь; типун тебе на язык и т. п.

Упоминание имени медведя не к месту также считалось опасным¹⁶. Взамен него широкое распространение получили различные иносказания. В сказках, поговорках, пословицах, загадках часто используются имена: Михайло Потапыч Топтыгин, Матрёна Михайловна Топтыгина (медведица, она Авдотья, Акулина, Марфушка, Матрёна)¹⁷. В загадках используются иносказания типа «тюх-тюхня», «мав-мавта» и др. Для примера можно привести загадки колядующим дома (носивших ритуальный характер): «шёл я по тюх-тюхтю, нашёл я валюх-тюхтя»¹⁸.

Наиболее четко древность появления можно проследить по жанру заговора. Он является одним из самых информативных. Заговор очень специфичен, смысл его напрямую связан с древними языческими обрядами. Как жанр фольклора, он создавался скорее всего ещё в доземледельческие времена. Поскольку заговорным формулам придавалось магическое значение, тексты их должны были быть чрезвычайно стабильными. Поэтому на основании текстов, записанных даже в XIX—XX вв., можно судить о содержании и форме древних заговоров. Во многих из них медведь заменяется на «зверя широколапого», «чёрный зверь», «бурый зверь»¹⁹.

Однако подобное табу на имя носит вторичный характер, так как в самом названии «мед-ведь» сохранилась гораздо более древняя иносказательная форма «мед ведающий». Самому слову ведать — знать, этимологически близкими формами являются — ведьма, ведун, ведьмак, т. е. те, кто связан с сокровенными знаниями, общается с потусторонними силами²⁰.

Общего мнения об исходной форме слова «медведь» нет. Б.А. Рыбаков говорит о том, что зимнее жилище медведя повсеместно в России называют «берлогой», то есть логовом бера²¹. Существует и другая версия происхождения слова «берлога» — берва, берно — бревно, колода. Берлога — логово в бревне или под бревном. Немецкое Вдг — бурый, это уже иносказательное для табуирования.

Следы «родства» человека и медведя прослеживаются во многих источниках устного народного творчества. Особенно ярким примером являются сказки. Они сохранили остатки сведений об очень древних обрядах и обычаях. Восточнославянская народная сказка о животных — это не аллегорическая басня. В основе её лежат скрытые тотемистические представления. В русских народных сказках, где фигурирует медведь, совершенно отчетливо видны следы оборотничества, когда человек превращается в медведя, и наоборот. Например, в сказке «О сильном и храбром непобедимом богатыре Иван-царевиче и о прекрасной его супружнице царь-девице»²² с одной из сестёр Ивана сожительствоет медведь: «Приходит он в палаты медведем, а как войдет — тотчас оборачивается человеком». В другой сказке бурлак, пришедший ночевать к старику, оборотил себя волком, а старика медведем: «Побежали они в поле, съели старикову кобылу, жену, и только охотники их расколдовали». Приведём ещё одну сказку — «Лесовик»,²³ в которой говорится, как мужик выдал сестру замуж за лесовика, и стала она жить с двенадцатью медведями, которые при выходе из избушки оставляли свои шкуры на ступенях и становились удалыми молодцами.

У всех восточнославянских народов существует обширный цикл сказок, в которых главным героем выступает полумедведь — получеловек. Это русские, украин-

ские и белорусские сказки об «Ивашке Медвежьем ушке». Он рождается от связи медведя с человеком. Известны оба возможных варианта: медведь — отец, а мать — женщина или мать — медведица, а отец — человек. У медвежьего сына «кожа медвежья, а лицо человеچه» или он «до пояса человек, а от пояса медведь». Иногда у него только ухо медвежье²³. Богатырь растёт не по дням, а по часам и будучи ещё ребенком он выворачивает дубы и выламывает брёвна в избе. Абсолютно идентичные сказки существовали и в Европе. Герой, сын медведя и женщины, часто именуется по отцу: у французов — Jean de l'ours, у немцев — Hans Вдг, у испанцев — Juan el Oso, у итальянцев — Giovanni dall'Orso²⁵. Весь этот цикл широко распространенных сказок о рождённом от медведя богатыре насыщен архаическими тотемическими представлениями, сближающими его с фольклором сибирских народов.

Взаимоотношения между медведем и человеком нашли своё отражение и в народных играх. Так, в детской игре «медведь во бору» один из играющих изображает медведя, а другие идут в бор за грибами и ягодами и поют:

У медведя во бору
Грибы ягоды беру!
Медведь постыл,
На печи застыл!

При этих словах «медведь», до того как будто дремавший, тихо ворочается, потягивается и нехотя идёт на детей, которые бегут от него. «Медведь» ловит кого-нибудь. Пойманный становится медведем, и игра продолжается²⁶. Сама по себе эта игра является, по-видимому, отголоском какого-то магического действия, принявшего игровую форму. Косвенно об этом свидетельствует стихотворная форма обращения. Известно, что наибольшую силу имеют те магические слова, которые зарифмованы. Но в самой сути игры заключено и нечто большее — взаимное превращение человека и медведя, происходящее после определенных действий, в данном случае касание медведем человека. Можно предположить, что физический контакт между ними, который лежит в основе этой игры, символизирует в иноказательной форме сексуальный акт. В подтверждение этому можно привести некоторые обычаи народов Дальнего Востока (в частности, у кетов и коряков). Здесь в обрядности медвежьего праздника сохранились любопытные ритуалы. Женщина имитирует соитие с медведем, что символизирует его возрождение²⁷.

Другой любопытной чертой этой игры является факт погони медведя за человеком. Для его расшифровки нужно привлечь широко распространенные фольклорные сюжеты о похищении женщины (девушки) медведем и последующем сожительстве. По мнению С.А. Токарева, эти сюжеты исторически связаны с верой в тотемистическую реинкарнацию (перевоплощение), когда люди являлись лишь воплощением своего «предка».

Очень интересны в этом смысле данные, подтверждающие переселение душ умерших людей в животных²⁸. Правда, эти данные относятся прежде всего к волку, но множество других косвенных сведений говорит, что и медведь мог выступать в этой роли. Даже само понятие человека-волка трактуется неоднозначно. Имя волколак (укр. вовкулак, бел. воуколак, серб. вукодлак, болг. върколак, чеш. vlkodlak, пол. wilkołak) является сложением слов vŭlk и ю.-слав. dlaka — «шерсть», «шкура». Другая же теория возводит второй элемент слова к балто-славянскому dlak(i) as — «медведь» (ср. с герм. Veowulf, дословно — «медведь-волк», а также с закарпатскими верованиями в то, что волколак может один месяц быть волком, а другой — медведем)²⁹. В европейском фольклоре эти персонажи сравнительно легко взаимозаменяются.

Представления о родственных связях между человеком и медведем отразились и в несколько христианизированных версиях. Считалось, что сам медведь раньше был человеком или произошел от человека, проклятого родителями. У северных великороссов широко было распространено представление о происхождении медведя от человека: «медведь прежде был человеком, но по повелению Господню за убийство

родителей сделался хищным лесным зверем». У русского старожильческого населения Сибири эти суеверные представления о медведе выражены ещё ярче, что объясняется влиянием туземного населения, у которого существовал настоящий медвежий культ. Медведь здесь считался происходящим от человека, проклятого либо родителями, либо Богом³⁰. В данном случае в такой же ипостаси мог выступать и леший. Кстати, в западноевропейских историях о святых очень популярен сюжет, когда тот или иной отшельник производил своим благочестивым образом жизни неизгладимое впечатление на медведя, да такое, что тот начинал обслуживать первого. С такого медведя за его добрые поступки снималось проклятие, и он превращался в прекрасного принца или принцессу.

Таким образом, можно заключить, что в древности у славян существовало, видимо, представление о медведе как о боге — первопредке, старике, которому поклонялись. Об этом говорят фольклорные, этимологические данные, табуирование, остатки обрядов и т. д. С течением времени подобные идеи трансформировались, накладывались на христианство, дробились, но не канули в небытие. И, как сказал бы К. Юнг, они живут в русском народе как коллективное бессознательное, как осадок бесчисленных переживаний людей, живших до нас.

¹ Бродель Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 1986. С. 38.

² Ницше Ф. О пользе и вреде истории. М., 1995. Т. 1. С. 168.

³ Токарев С.А. Ранние формы религии. М., 1990. С. 51—81.

⁴ Серов С.Я. Медведь — супруг (вариации обряда и сказки у народов Европы и Испанской Америки) // Фольклор и этнография. М., 1983. С. 171.

⁵ Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982. С. 89.

⁶ Шуклин В.В. Мифы русского народа. Екатеринбург, 1995. С. 241.

⁷ Державин Н.С. Славяне в древности (культурно-исторический очерк). М., 1945. С. 139.

⁸ Криничная Н.А. Предания Русского Севера. СПб., 1991. С. 136—139.

⁹ Подробнее об этом см.: Виноградова Л.Н. Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян; генезис и типология колядования. М., 1982.

¹⁰ Даль В.И. Пословицы, поговорки русского народа. М., 1995. Т. 1. С. 380.

¹¹ Иванов В.В., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период). М., 1965. С. 169.

¹² Токарев С.А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX—XX вв. М.; Л., 1957. С. 169.

¹³ Шуклин В.В. Мифы русского народа... С. 241.

¹⁴ Соколова З.П. Культ медведя // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 2. С. 122.

¹⁵ Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981. С. 424.

¹⁶ Шуклин В.В. Мифы русского народа... С. 241.

¹⁷ Даль В.И. Пословицы... Т. 2. С. 178.

¹⁸ Обрядовая поэзия. М., 1989. С. 142.

¹⁹ Харузин Н.Н. Из материалов, собранных среди крестьян Пудрожского уезда Олонецкой губернии // Даль В.И. О повериях, суевериях и предрассудках русского народа. СПб., 1996. С. 178, 181.

²⁰ Токарев С.А. Религиозные верования... С. 22.

²¹ Рыбаков Б.А. Язычество древних славян... С. 102.

²² Афанасьев А.Н. Народные русские сказки. М., 1957. Т. 3. С. 331—336.

²³ Даль В.И. О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа // Русское колдовство. М.; СПб., 2002. С. 290—294.

²⁴ Новиков Н.В. Образы восточнославянской волшебной сказки. Л., 1974. С. 44.

²⁵ Серов С.Я. Указ. соч. С. 171.

²⁶ Аникин В. Русский фольклор. М., 1985. С. 29.

²⁷ Соколова З.П. Культ животных в религиях. М., 1972. С. 79.

²⁸ Виноградова Л.Н. Зимняя календарная поэзия... С. 203.

²⁹ Очерки истории культуры славян. М., 1996. С. 191.

³⁰ Токарев С.А. Религиозные верования... С. 49.

Summary: Competitor of Candidate's degree P. Marus proposes an article «The Cult of Bear of the Eastern Slavs». The author touches upon sources, roots of traditional people beliefs and ideas. The question is about pre-Christian rituals and traditions, ancient totemic beliefs. At the same time in the article there is a comparison of Slavic ideas of animals—gods with analogous West European ideas of such kinds.